

Так 24 апреля 1623 года был заключен брак, о котором господин Фоссиа сложил следующее четверостишие:

*Тебе готовит смерть позорную Париж,
Женева же дарует брачные палаты.
Там ты в изображении горишь¹³⁴,
Здесь ты живешь в объятиях Ренаты.*

Незадолго до женитьбы Обинье отпустил со службы, щедро удовлетворив их платою, четырех дворян, которых долгое время содержал при себе. Отказавшись от чести и удобств предоставленного ему синьорами жилища, он остался жить вдвоем с женою в своем доме. Он также не пожелал больше подвергаться нападкам за пользование почетными местами в храме, из-за которых германские графы роптали на него. Тогда синьория отвела ему удобнеее место, которое когда-то занимал один пфальцский курфюрст и многие французские военачальники.

Пора сказать, что, увидя в укреплениях Сен-Виктора два кронверка, великолепно спланированных господином де Бетюном, но сделанных наспех и на слишком скупо отпущенные средства, Обинье пожелал укрепить их камнями, которые можно видеть там еще и теперь. А так как фланк куртины находился слишком далеко от внутренних сторон кронверков, он наметил для них соединительную часть, но с тем, чтоб установить ее только в случае необходимости, оттого что эту работу можно выполнить на виду у неприятеля, а также для того, чтобы не тронуть частных владений и не вызвать вражды, порождаемой подобными предприятиями. Но некий богатейший господин, сын одного из виднейших синдиков, какие только были в Женеве, к тому же генеральный прокурор, заговорил о своих интересах слишком громко, по мнению синьоров, и синьоры немедленно предписали строителю в двухчасовой срок обозначить соединительную часть, согласно имевшемуся приказу, под страхом отрешения от должности. Синьория сама явилась туда, чтобы поскорей поставить рабочих. Обинье же прибежал, чтоб отложить это дело. Но постановление синьории взяло верх над его просьбами и доводами. После этого его врагами не преминули стать представители рода столь могущественного, что, когда один из них вступал в тяжбу, то в суде Двухсот приходилось давать отвод по крайней мере шестидесяти из них, ибо то были родственники истца.

Неутомимые эти враги пользовались различными поводами для мщения: появлением в печати «Истории», ненависть автора которой (как говорили они) раздражает Францию, первым приездом в Женеву старого маркграфа Баденского, вызвавшим слух, что маркграф явился по наущению Обинье, чтобы набрать армию и разжечь этим гнев императора. Однако оказалось, что никогда маркграф и Обинье не знали